

странное развитіе которыхъ составило позже оправданіе и смыслъ моей жизни!...»

Въ жертву этому самопознанію, самоопределѣнію принесено все то, о чёмъ мы говорили выше и что должно быть принесено каждымъ, начинающимъ тернистый и исполненный опасностей путь своего духовнаго развитія: и цѣлостъ непосредственнаго чувства, и полнота или гармонія естественныхъ силъ, и эгоистическое счастье тѣхъ посредственныхъ и дѣланныхъ натуръ, никогда въ своей жизни не «нарушавшихся», которыхъ, вылившись разъ и павсегда, чуть не съ 14 лѣтъ, въ известную форму и въ иной застывиши, на всю жизнь,—имѣютъ счастье считать себя цѣлыми, никакими внутренними противорѣчіями исмущаемыми и вѣчно довольными...

И такъ — вотъ тотъ критическій моментъ «становленія», на которомъ мы застаемъ автора «Исповѣди», какъ онъ весь выразился еще залолго до этой «Исповѣди» — въ IV томѣ своихъ сочиненій. Онъ уже, правда, у порога *своего* идеала, но пока все-таки еще не достигъ его; пока мы только видимъ, дополняя недосказанное позднѣйшими признаніями автора, на мѣстѣ утраченныхъ имъ и идеализируемыхъ въ другихъ непосредственности и гармоніи духа — царство разъѣдающей рефлексіи, односторонность и всѣ мучительныя перипетіи отчаянной внутренней борьбы за пріобрѣтеніе себѣ необходимой гармоніи примиреніемъ взаимно борящихся началь его духа; сила жизни, самый ся смыслъ, казалось, тоже утрачены... Человѣкъ безъ доброй половины своего духовнаго существа! Но на долго ли? Не моментъ ли это только въ развитіи его, — остановится ли онъ па немъ, — не близокъ ли онъ уже къ завѣтной цѣли своей? Да скоро онъ *почув-*